

А. А. Блок

Двенадцать. Скифы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б70

Блок А.А.
Б70 Двенадцать. Скифы / А. А. Блок – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-458-23934-9

Поэму «Двенадцать» Александр Блок стал писать в начале 1918 г. 29 января произведение было закончено, и в дневнике поэта была сделана запись: «Страшный шум нарастает во мне и вокруг. Сегодня я гений! ». Позже Блок признавался, что первой строчкой из «Двенадцать», пришедшей ему на ум, была «Уж я ножичком полосну », и к самому началу он вернулся несколько позже. Книга снабжена предисловием «Испытание в грозе и буре» Иванова-Разумника, «Запиской о «Двенадцати» А. Блока и рукописными материалами черновых вариантов произведений.

ISBN 978-5-458-23934-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оттого я и не отряхиваюсь от написанного Горького,
что оно было писано в соизвѣстѣ со стихіей: на-
мѣръ, во время и посылъ окончанія "Двенадцати"
я нѣсколько дней ощущалъ физически, слухомъ,
большой шумъ вокругъ — шумъ сивитовъ (Воробьевъ,
шумъ от крушенія старого міра), Поэтому,
что, крѣпко видѣвъ въ "Двенадцати" политическія сфисы,
или слишкомъ поучилъ въ политической прези,
или очень сѣтилъ къ искусству, или одержимъ
большой злобой — будь ~~это~~ ^{они} враги, или друзья
моихъ поэтовъ.

Было я недоволенъ, вѣроятно съ тѣмъ, отри-
цая всякое отношеніе къ "Двенадцати" къ
политикѣ. Правда заключается въ томъ, что
Поэма написана въ ту исключительную, и
всегда въ ~~телоттеской~~ ^{нору} жизни, короткую ~~дату~~,
когда проносятся революціонный циклонъ
производитъ бурю во (вотъ моряхъ) природы,
(ирано) жизни и искус-
ства; въ мортъ телоттеской жизни есть

И / такая небольшая заводь, брат Маркизов утис, / V.
политикой; и в этом стакане воды тоже
происходила тогда буря — легко сказать: * говорим
объ умиротворении дипломатии, о новой юстиции,
(тогда уже сепаратистской), о прекращении войны! — моря природы, жизни
и искусства разбухивали, брызги встали
радую надъ нами. Я смотрел на радугу,
когда писалъ "Двенадцать"; оттого въ поэму ослалъ
капли политики.

По-моему, въ сдвиге и эфире времени. Можеть-
быть, всякая политика там уязвима, въ одной
капле, въ замутитъ и разложитъ все обаянное;
можеть быть, она не убьетъ смысла поэмы;
можеть быть, наоборот — крѣпко зная! — она окажется
бродиломъ, благодаря которому "Двенадцать" прогудитъ
куда-нибудь в не наши времена. Сами я
твёрдо могу говорить объ эфире только съ из-
вѣстностью; но — не будемъ брать ^{сейчасъ} ~~эти~~ себя ^{решительного} ~~этого~~,
суда.
1 апреля 1920.

<ЗАПISKA O “ДВЕНАДЦАТИ”>

С начала 1918 года, приблизительно до конца октябрьской революции (3-7 месяцев?) существовала в Петербурге и Москве свобода печати; т.е., кроме правительственных агитационных листов, были газеты разных направлений и доживали свой век некоторые журналы (не из-за отсутствия мыслей, а из-за разрушения типографского дела, бумажного дела, и т.д.); кроме того, в культурной жизни, в общем уже тогда заметно убывавшей, было одно особое явление: одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, уделила место и культуре: сравнительно много места в большой газете, и почти целиком — ежемесячный журнал. Газета выходила месяцев шесть (кроме предшествующего года); журнал на втором номере был придержан и потом — воспрещен.

Небольшая группа писателей, участвовавших в этой газете и в этом журнале, была настроена революционно, что и было причиной терпимости правительства (пока оно относилось терпимо к революции). Большинство других органов печати относилось к этой группе враждебно, почитая ее даже — собранием прихвостней правительства. Сам я участвовал в этой группе, и травля, которую поднимали против нас, мне очень памятна. Было очень мелкое и гнусное, но — было и острое.

Иных из тогдашних врагов уже нет на свете, иные — вне пределов бывшей (и будущей) России; со многими я помирился даже лично; только один до сих пор не подает мне руки.

Недавно я говорил одному из тогдашних врагов, едва ли и теперь простившему мне мою деятельность того времени, что я, хотя и не мог бы написать теперь того, что писал тогда, не отрекаюсь ни в чем от писаний того года. Он отвечал мне, что не мог тогда сочувствовать движению, ибо с самого начала видел, во что оно выльется; меня же понимает постольку, поскольку знает, что я более “отдаюсь” стихии, чем он.

Это совершенно верно: в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907, или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому, те, кто видит в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по

уши в политической грязи, или одержимы большой злобой — будь они враги, или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение “Двенадцати” к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную, и всегда короткую, пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать”; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому “Двенадцать” прочтут когда-нибудь в не наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920.

Записка о “Двенадцати” Александра Блока (апрель 1920) впервые прозвучала в составе речи Андрея Белого на заседании Вольной Философской Ассоциации, посвященном памяти поэта, в Петрограде 28 августа 1921 года. Опубликовано в книге: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб, 1922. С. 30 -32. См.: Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии — А.В.Лавров. М., Автограф, 1997. С. 9 -11, 496 -497, 583; “ЛГ”, 28 ноября 1990, с. 7; РО ИРЛИ (ПД) РАН, ф. 654, оп. 1, ед.хр. 298.

В начале Записки Александр Блок имеет в виду левозэсеровские издания: “Знамя Труда” — ежедневную рабочую газету, выпускавшуюся Петроградским комитетом Партии социалистов-революционеров в 1917-1918 годы, и “Наш Путь” — “литературно-политический Журнал Революционного Социализма” (1918, №№1-2). Оба издания были закрыты большевиками после подавления “мятежа левых эсеров” 6 июля 1918 года. В газете “Знамя Труда” за 1918 год впервые опубликованы поэма “Двенадцать” (3 марта по новому стилю) и стихотворение “Скифы” (20 февраля н.ст.). Эти же произведения Александра Блока были напечатаны в №1 журнала “Наш Путь”.

ДВѢНАДЦАТЬ

Инварь

1918 года

(гернотин)

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ

Когда в начале июня 1918 года под издательской маркой партии левых социалистов-революционеров "Революционный Социализм" книга Александра Блока "Двенадцать. Скифы" была напечатана с предисловием Иванова-Разумника, особенно резким негодованием откликнулась на нее Зинаида Гippiус. Автор вступительной статьи был назван "фон Зоном" Достоевского — "специалистом по "предисловиям" ко всяким знаменитостям", который "все присосеживается "на приступ-почку", только чтобы "и я то же! и я тоже!"". Особый приступ возмущения вызвала позиция Блока: "...никакие извращения и наскоки с пристрастием Разумников, — писала Гippiус, — меня не трогают: пусть при них и остаются. Но как русский писатель осмеливается выходить к людям под сенью подобных рекомендаций? А если он притом большой писатель, то его неприличный жест сугубо неприличен — он совершенно не нужен, ничем не объясним" (Антон Крайний. Неприличия. — Современное Слово. № 3554. 1918. 16 июня).

Между тем, причины такого издания были очевидны как для его непосредственных участников, так и для посторонних наблюдателей. Впервые поэма "Двенадцать" и стихотворение "Скифы" увидели свет в газете "Знамя Труда" — издании ЦК партии левых социалистов-революционеров, а вскоре на страницах журнала "Наш Путь" — органа "Революционного Социализма" — в сопровождении статьи Иванова-Разумника "Испытание в грозе и буре". К этому времени поэт-символист Александр Блок был среди тех, кто, назвав себя "скифами", поверил в стихийную силу революции и за политическими и социальными переменами увидел неизбежное духовное преображение человека.

Центральной фигурой в "скифском" содружестве (авторы двух сборников "Скифы", вышедших в середине и конце 1917 г., — Андрей Белый, Н.Клюев, С.Есенин, П.Орешин, А.Ремизов, Е.Лундберг и др.) был Разумник Васильевич Иванов (1878-1946). Историк русской общественной мысли, публицист, литературный критик, известный под псевдонимом Иванов-Разумник, он оказался в центре многих культурных и политических событий "начала века". В 1912-1915 г.г., участвуя в работе издательства "Сирин" (где, собственно, и состоялось знакомство с Блоком), он одновременно руководил литературными отделами неонароднического журнала "Заветы" (1912-1914), а позднее, в 1917-18 г.г. — эсеровских изданий: газет "Дело Народа" и "Знамя Труда", журнала "Наш Путь". В течение ряда лет сотрудничая с партийными изданиями социалистов-революционеров и даже входя в их редакционное руководство, Иванов-Разумник, тем не менее, никогда не считал себя членом самих организаций. Отвергая политические ярлыки и неоднократно подчеркивая близость к идеологии народничества, он называл собственные воззрения "духовным максимализмом".

"Скифов" объединили общие умонастроения: активная антивоенная

позиция, предвидение политической и социальной катастрофы, ощущение символической значимости переживаемого времени, желание откликнуться смыслотворчеством на все вызовы эпохи. “Искания непримиримого и непримиренного духа” русского народа, по Иванову-Разумнику, должны были привести к перерождению “скифа исторического” в “скифа духовного”, что снимало оппозицию “скифа”, вечно противоборствующего с “Всесветным мещанином”, “эллину” (т.е. Западной культуре). В целом “скифство” можно назвать “мироощущением” (отталкиваясь от блоковской оценки символизма: “мысль о символизме... как мироощущении — была близка А.А.Блоку” — Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 236), а не идеологической, политической или же эстетической программой.

“Наша “скифская” группа, — говорил позже Иванов-Разумник, — соединилась не на политической платформе, не на этом пути сошлись все мы с А.А.Блоком, и только те, которые именовали всех нас “прихвостнями правительства”, говорили, что мы, дружно работавшие вместе и в газете “Знамя Труда”, и в журнале “Наш Путь”, состоим на иждивении партии левых социалистов-революционеров. Нет, “скифы” — не партийны, но они и не аполитичны. Правда вот в чем: левые эсеры были тогда единственной политической партией, понявшей все глубокое значение культуры вне всякой политики, партией, предоставившей нам экстерриториальность в своих органах (весь “нижний этаж” газеты, весь литературный отдел журнала были в нашем полном распоряжении); эти “политики” поняли, перед каким мировым явлением они стоят, когда впервые читали “Двенадцать” и “Скифов” Блока” (Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб., 1922. С. 58-59).

История публикации книги “Двенадцать. Скифы” с предисловием Иванова-Разумника восстанавливается по ежедневным записям Александра Блока за апрель-июнь 1918 года (См.: Блок А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. С. 399-411). 13 апреля вышел № 1 журнала “Наш Путь” за 1918 г., где произведения поэта были напечатаны рядом с критической статьей. В тот же день Иванов-Разумник и Блок получили свои авторские экземпляры в типографии Николаевской военной академии (располагавшейся в Петрограде на Суворовском пр., 326). 14 апреля Блок записал: “Издавать “Двенадцать” и “Скифов” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью”.

Работа над брошюрой велась в партийном издательстве левых эсеров при ЦК ПЛСР — “Революционный Социализм”, которое только в первой половине 1918 г. выпустило более 30 наименований книг и брошюр. С середины апреля Иванов-Разумник находился в Москве, где в составе редакционной и издательской комиссий ЦК ПЛСР, вероятно, обсуждал и это совместное начинание. В издательстве “Революционный Социализм” был задуман выпуск

литературно-художественной серии “Рабоче-крестьянская библиотека” под ред. Иванова-Разумника и Е.Г.Лундсберга. По возвращении Иванова-Разумника из Москвы 2 мая Блок записал: “масса рассказов, планов, новых предложений”.

В течение апреля-мая Блок неоднократно бывал на Лиговке, где в доме № 44 (т.н. “доме Перцова”), в кв. 300, располагалась редколлегия журнала “Наш Путь” и одновременно редакция издательства “Революционный Социализм”. 9 мая появилась очередная запись: “Корректурa брошюры с “Двенадцатью” (подписано — печатать 10 000 + 100 авторских)”. Наконец, 3 июня последовал звонок от Иванова-Разумника: “брошюра “Двенадцать” вышла”. Свой экземпляр, сохранившийся в личной библиотеке поэта, Блок подписал 5 июня (23 мая) 1918 г. Еще одна запись две с половиной недели спустя засвидетельствовала его реакцию по поводу фельетона З.Гиппиус: “яростная и мелкая злоба”.

Действительно, антибольшевистская критика расценила проповедь духовной революции как оправдание настоящего, как “осанну” большевистскому политическому режиму. Но и отношение победителей к “скифству” отозвалось в штампах большевистской критики: “мелкобуржуазная идеология”, “мистическое восприятие революции”, “эсеровщина” и т.п. Пожалуй, наиболее “нейтральная” оценка совместного издания отразилась в статье П.Е.Щеголева, опубликованной в альбоме рисунков Б.Григорьева “Расея”: “современное творчество Блока не созвучно действительности, и художественные восприятия его дряблы и односторонни”, а подобное состояние его поэтического дара объясняется “только недомыслием Иванова-Разумника” (Григорьев Б. Расея. Пг., 1918. С. 18-19). На подобные инвективы Блок иронически отреагировал в дарственной надписи: “Недомыслящему Иванову-Разумнику от дряблого Александра Блока. СПб. 1918” (Иванов-Разумник. Вершины. С. 244).

Оставляя за рамками короткого послесловия идейно-художественные аспекты публикуемых в книге произведений, укажем, что весной 1918 года поэта и критика объединила вера в творческое начало русского народа. Блоковские произведения (“Двенадцать” и “Скифы”) позволили Иванову-Разумнику ответить на вечный вопрос Понтия Пилата о существовании истины — новой “благой вестью”: “скифской” миссией России. Для поэта эта providенциальная статья критика подтверждала собственные мысли о том, что народ — “бессознательный носитель духа музыки”. Однако вскоре, после событий в Москве 6-7 июля — т.н. “мятежа левых эсеров”, вектор революции развернулся совсем в ином направлении. Сиюминутное и вечное разошлись навсегда: политические события влились в трагическую историю России, а книга — осталась “литературным памятником” той короткой эпохи, когда еще была возможна вера в невозможное.

В.Г.Белоус

